

**Русский омбудсмен Эстонии: О праве получать образование
на родном языке на примере заблуждений профессора
Раннута**

**Vene ombudsman Eestis: Õigusest saada haridust emakeeles -
Prof. Rannut'i eksiarvamuse näite põhjal**

Автор: Сергей Середенко (Русский омбудсмен)

Autor: Sergei Seredenko (Vene ombudsman)

Таллин / Tallinn 2011

Оглавление / Sisukord

Русский омбудсмен Эстонии: О праве получать образование на родном языке на примере заблуждений профессора Раннута.....	1
Vene ombudsman Eestis: Õigusest saada haridust emakeeles - Prof. Rannut'i eksiarvamuse näite põhjal.....	1
Введение.....	3
Анализ выполненный русским омбудсменом	4
Sissejuhatus	11
Vene ombudsmani poolt tehtud analüüs	12

Введение

Совет объединения «Русская Школа Эстонии» обратился к русскому омбудсмену Сергею Середенко с просьбой прокомментировать высказывания г-на Раннута на статью члена Правления Алисы Блинцовой на предмет возможных заблуждений г-на Раннута, чтобы не допустить их распространение и дальнейшее укоренение в нашем обществе.

Так как заблуждения не появляются сами по себе – у них есть носители и распространители – мы решили на примере г-на Раннута, профессора и ученого Института интеграционных исследований, указать на продолжающуюся болезнь общества, идущего против своих же Законов.

Мы надеемся на продолжение открытого разговора по существу и на освобождение нашего общества от груза лицемерия. Просим все официальные институты в нашей стране взглянуть на изложенные факты несоответствия Конституции и других законов к распространяемым в обществе предубеждениям в отношении русской общины Эстонии.

Благодарим Сергея Николаевича за проделанную работу. Далее приводим ответ русского омбудсмена на наше обращение.

С уважением,
Олег Назмутдинов
Председатель НКО «Русская Школа Эстонии»
тел.: +372 58 106 905
@: russovet24@gmail.com
www: <http://www.venekool.eu>

12.07.2011

Анализ выполненный русским омбудсменом

Сергей Середенко
Русский омбудсмен

НКО Русская Школа Эстонии

Уважаемые члены правления НКО Русская Школа Эстонии!

19 июня вы обратились ко мне с просьбой «провести анализ заявлений г-на Раннута для выявления возможных заблуждений г-на Раннута и, в случае обнаружения таковых, для укрепления позиции по предотвращению их дальнейшего распространения и усиления в нашем обществе». Иными словами, просите выявить и обезвредить заразу.

Так как проект «Русский омбудсмен» обрел свой «второй срок» именно на конференции Совета русских школ, то понятно, что сотрудничество с вами является для меня приоритетным. Поэтому я с готовностью поверю националистическую гармонию г-на Раннута алгеброй эстонского законодательства, прежде всего конституционного. Так как вы не приводите в своем письме конкретных заявлений ученого Института интеграционных исследований Марта Раннута, изложенных в его статье «О тревоге противников эстоноязычной гимназии» в *Õpetajate leht* от 10 июня, то я разберу те, которые привлекли мое внимание. Поскольку г-н Раннут выступил в жанре газетной статьи, то некоторые его мысли «размазаны» по тексту и их пришлось собирать воедино.

Анализ также затруднен тем, что, выступая, по существу, на правовую тему, г-н Раннут не ссылается ни на один закон.

1. «Говоря о языковых правах, следует выделять два из них: праве освоить государственный язык, и праве основывать (частные) школы для своей группы».

Конституционные языковые права не имеют ничего общего с тем, что сообщает г-н Раннут.

О «праве освоить государственный язык» я ничего не знаю. Равно как и об объеме этого права. Не попадалось мне подобное право в эстонском законодательстве.

Равным образом я ничего не знаю и о «праве основывать (частные) школы для своей группы». Закон о частной школе говорит в ст. 1, что он применяется к «частно-правовым юридическим лицам», а не к «группам».

Если же г-н Раннут говорит об учебных заведениях, создаваемых на территории Закона о культурной автономии малых национальностей, то из этого закона сложно понять, кому же принадлежит это право. П. 1 ст. 4 говорит о том, что «У лица, принадлежащего к малой национальности, есть право создавать и поддерживать национальные (...) образовательные учреждения...», т.е. право принадлежит физическому лицу. В то же время п. 1 ст. 5 говорит о том, что «Основными задачами культурного самоуправления малой национальности является: организация обучения на родном языке...», т.е. является задачей культурного самоуправления, которое, согласно закону, вообще юридическим лицом не является. Полную путаницу в этом вопросе создает ст. 37 Конституции,

согласно которой «Язык обучения в учебном заведении для малой национальности избирает учебное заведение». Согласно комментарию канцлера юстиции Ю.-Э.Труувяли на мой давний запрос, речь в данной конституционной статье идет именно об учебном заведении, учрежденном «в рамках» культурного самоуправления. Что, по меньшей мере, странно: почему учебное заведение, созданное, например, русским культурным самоуправлением, может *само* избирать, на каком языке ему учить детей, если культурное самоуправление – русское, и его законная задача - организация обучения на *родном* языке? Как бы то ни было, нигде более в эстонском законодательстве тема «учебного заведения для малой национальности» не раскрывается, т.е. конституционный субъект, обладающий конкретным конституционным правом, фактически так и остался мертворожденным.

Уточнение г-на Раннута – «(частные)», - тоже вызывает недоумение. «Логика» его понятна: хотите учиться на родном языке – платите за это сами. Однако эта логика тоже не имеет законного подтверждения. Как уже было показано, Закон о частной школе распространяется исключительно на частно-правовые юридические лица, а культурное самоуправление вообще юридическим лицом не является. Притом, что по смыслу своему, а также согласно ранее существовавшим законам оно является публично-правовым, а не частно-правовым юридическим лицом. Поэтому культурное самоуправление создать частную школу просто не в праве. Да и не должно.

Та же ст. 37 Конституции гласит, что «С целью сделать образование доступным государство и местные самоуправления содержат необходимое количество учебных заведений. В соответствии с законом разрешается также открывать и содержать иные учебные заведения, в том числе частные».

Как видно из приведенного фрагмента, законодатель и тут не справился со своей конституционной задачей. Государственные и муниципальные основные школы и гимназии регулируются Законом об основной школе, гимназии, частные учебные заведения – Законом о частной школе, а вот где Закон об *иных* учебных заведениях, частным случаем которых являются частные школы? Такого закона нет, хотя Конституция прямо предписывает его существование – «в соответствии с законом».

Проведенный мной пару лет назад обширный анализ Закона о культурной автономии малых национальностей позволил сделать вывод о том, что в эстонских правовых реалиях под «иными» следует как раз иметь в виду «учебные заведения для малой национальности», которые как раз создаются для «группы», о которой пишет г-н Раннут. Они как раз и есть «иные» - не государственные, не муниципальные и не частные. В силу чего примечание г-на Раннута «(частные)» не имеет никакого законного обоснования.

Исключением здесь может являться ст. 13 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, гласящая, что «В рамках своих систем образования Участники признают, что лица, принадлежащие к национальному меньшинству, имеют право учреждать и организовывать свои собственные частные заведения для целей образования и профессиональной подготовки». Однако, как уже было показано, «рамки своей системы образования», указанные в Конституции, по-прежнему остаются частично непрописанными на законном уровне. И наоборот, далеко не все конституции содержат в себе положения о культурной автономии национального меньшинства.

Нет смысла, видимо, добавлять к сказанному, что все попытки создания русского культурного самоуправления, «в рамках» которого, при известном напряжении фантазии, можно было бы создать «школы для своей группы», были министерством культуры

пресечены, так что неприкрытый упрек г-на Раннута в том, что «это последнее право русское сообщество использовало не в достаточной мере» - явно не по адресу.

Заканчивая данную часть анализа, следует отметить, что из всех языковых прав г-н Раннут «выделил»... два несуществующих. Любопытно, что этот абзац своей статьи г-н Раннут назвал «Ложное представление о своих правах».

2. «Вне прав меньшинства в случае русской общины говорить (о языковых правах – С.С.) не имеет смысла, поскольку речь идёт, в основном, о группе иммигрантов, на которых эти права не распространяются. А именно: языковые права не транспортабельны, и не перемещаются вместе с носителем языка через границы территории исконного места проживания».

Продолжая раскрытие темы «ложного представления о своих правах», г-н Раннут ненароком сбивается на эстонское know-how, при помощи которого Эстония фактически саботировала все права национальных меньшинств, в том числе языковые. Речь идет о конституционном термине «малые национальности» (*vähemusrahvus*), который традиционно неверно переводится как «национальное меньшинство» (*rahvusvähemus, national minority*). Определение «малой национальности», данное в Законе о культурной автономии малой национальности, намеренно привязано к гражданству ЭР и фактору «исконного места проживания». После кражи в 1991 году гражданства ЭР у всех жителей ЭР, кто не имел сомнительного счастья родиться в ЭР образца 1940 года, русская «малая национальность» фактически стала правовой химерой. Русской «малой национальностью» эстонцы готовы признавать лишь причудских русских, а русским «национальным меньшинством» - никого. Анализ этого безобразия я представил в своем меморандуме Рийгикогу, с которым можно ознакомиться здесь:

http://riigikogu.ee/?page=en_etapid&op=ems&eid=1147471&u=20101129181709

Но даже тут г-н Раннут умудряется войти в противоречие с Конституцией, предоставляющей языковые права (в том числе) и «вне прав меньшинства». В частности, речь может идти о ч. 2 ст. 52 Конституции, устанавливающей, что «В регионах, где эстонский язык не является языком *большинства населения*, местные самоуправления могут в установленных в законе объеме и порядке вести внутреннее делопроизводство на языке *большинства постоянного населения этого региона*». Как видно, тут речь не идет о «малой национальности», как в ч. 2 ст. 51 Конституции.

Непонятно также, в каком контексте г-н Раннут использует термин «иммигранты», «на которых эти права не распространяются». Если речь идет о негражданах ЭР, т.е. гражданах иностранных государств и лицах без гражданства, то на них, согласно ст. 9 Конституции, «права, свободы и обязанности каждого, перечисленные в Конституции, распространяются в равной степени». Уникальная конституционная конструкция – без т.н. «оговорки закона», т.е. фразы «если законом не установлено иное». Подробнее эта тема раскрыта в моей книге «Русская правда об эстонской конституции», глава из которой «Гражданин и народ» опубликована здесь:

http://slavia.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=5688%3A-q-q&catid=174%3A2011-01-18-14-02-38&Itemid=223

Так что заявление г-на Раннута о том, что языковые права на «иммигрантов» не распространяются – ложно. И Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств оперирует двумя определениями: «в районах *традиционного* проживания большого числа

лиц, принадлежащего к национальному меньшинству» («исконные» территории – ч. 3 ст. 11) и «в районах, где традиционно *или в значительном количестве* проживают лица, принадлежащие к национальным меньшинствам» (ч. 2 ст. 14).

3. «Одно из ложных пониманий, выросших на такой почве, является т.н. право на русскоязычное образование в Эстонии, согласно которому Эстонское государство якобы обязано обеспечить сохранение русскоязычного образования. На самом деле Эстония не должна предоставлять его даже в части основного образования».

«Говоря о языковых правах, следует выделять два из них: праве освоить государственный язык, и праве основывать (частные) школы для своей группы. Это последнее право русское сообщество использовало не в достаточной мере, поскольку Эстония и так заботилась о реализации соответствующего права».

«Включить логику» после этих двух заявлений у меня не получается. Из второй фразы следует, что «Эстония и так заботилась о реализации соответствующего права» на «школы для своей группы», т.е. русскоязычные школы. Из чего следует, что у русских в Эстонии есть право на русскоязычные школы, а у государства есть обязанность их обеспечить. Связка понятна: русские – имеют право, государство – обязано. Все четко: право корреспондирует с обязанностью. Но как тогда понимать первую фразу г-на Раннута о том, что государство обязано лишь «якобы», а «на самом деле» Эстония «не должна предоставлять его даже в части основного образования»?

Сразу отметим и некорректное использование «Эстонии» в тексте г-на Раннута. Эстония – название страны, в которой все мы проживаем. А «Эстонское государство» - публично-правовое юридическое лицо, имеющее права и обязанности перед своим населением. И свои образовательные проблемы русская община решает именно с государством, как с юридическим лицом, а не как со страной. Говоря «Эстония не должна», г-н Раннут явственно разделяет нас с Эстонией.

Если же пытаться разобраться по существу с проблемой, в которой очевидно запутался г-н Раннут, то предстоит прямо ответить на вопрос – а есть ли у русских право на русскоязычное образование? Бесплатное русскоязычное образование в основной школе и гимназии?

Мой ответ на этот вопрос – да, есть. В обоснование своей позиции приведу три аргумента.

1) Согласно ст. 37 Конституции «Каждый имеет право учиться на эстонском языке». «Право» - многогранное понятие, но для нас важно, что оно включает в себя как право требования, так и право выбора. Согласно этому конституционному определению государство обязано обеспечить каждому *желающему* возможность учиться на эстонском языке. Соответственно, государство *должно* считаться с тем, что отнюдь не все русские дети *желают* учиться на эстонском языке. В связи с чем государство *должно* обеспечить им право выбора, т.е. содержать бесплатные русскоязычные школы. В «необходимом количестве» - так гласит Конституция.

Если бы ситуация была иной, и обучение в школах на эстонском языке было бы обязательным, то Конституция так бы это и определяла – «Обучение в общеобразовательных школах ведется на эстонском языке». Так, допустим, как она определяет в ст. 52, что «Делопроизводство в государственных учреждениях и местных самоуправлениях ведется на эстонском языке». Но Конституция не устанавливает обязательного языка преподавания в школах, а устанавливает лишь право каждого на обучение на эстонском языке. Более того, государство и не может вмешиваться в этот

выбор языка обучения, т.к. ст. 37 Конституции не содержит оговорки закона в части языка обучения. Соответственно, Рийгикогу, вмешавшись в определение языка обучения в общеобразовательных школах, нарушил Конституцию, так как последняя явно не дает ему на это права.

Отмечу также, что положение о неконституционности «перевода школ на эстонский язык» внесено в резолюции обоих Конгрессов национальных меньшинств Эстонии.

2) Следует помнить, в какой правовой обстановке принималась Конституция. Во время ее принятия действовал Закон о национальных правах граждан Эстонской ССР, принятый 15 декабря 1989 года. Согласно ст. 4 этого закона

«У граждан всех национальностей есть право:

получать общее образование на эстонском, русском или ином языке в государственных учебных заведениях или в культурных обществах;

получать среднее специальное или высшее образование, а также дополнительное образование на эстонском, русском или ином языке, которое государство обеспечивает согласно потребностям Эстонской ССР»;

Закон это не был признан неконституционным, и был отменен в 1993 году Законом о культурной автономии малой национальности. Из Закона о национальных правах граждан Эстонской ССР видно, что образование всех уровней на русском языке было государством гарантировано. Тем не менее, даже после преступного присвоения власти ультранационалистами, эстонский язык не стал в Конституции обязательным языком обучения, а конструкция «у граждан всех национальностей есть право» сменилась на «каждый имеет право», т.е. язык обучения по-прежнему остался вопросом личного выбора, а не выбора государства.

3) Отмечу тут еще один конституционный аспект, на который редко обращают внимание. Речь идет о цели содержания государством и муниципалитетами учебных заведений. Эта цель, изложенная в той же ст. 37 – «сделать образование доступным». Подчеркну, что «доступность образования» является *единственной* конституционной целью образовательной системы. Поэтому любые изменения в образовательной системе, в том числе языковые, должны прежде всего проходить проверку на то, увеличивают ли они доступ к образованию, или уменьшают. Совершенно очевидно, что обучение на чужом (эстонском) языке резко снижает доступность образования, в связи с чем «перевод на эстонский язык» также следует считать неконституционным.

4. «А то, что говорящий на своём родном языке платит Эстонскому государству налоги, или нет, на языковые права не влияет (хотя это и выставляют в качестве аргумента)».

Сложнее всего, как известно, доказывать очевидное. Однако то, с какой легкостью г-н Раннот отмахивается от денег (что эстонцам совершенно не свойственно), внушает тревогу. Прямо показать связь уплаты налогов с участием в их распределении мне, по всей видимости, не удастся, потому что ни один *нормальный* закон этого не регулирует – слишком уж это очевидно. Однако роль *количественного* вклада национальных меньшинств показать можно на примере п. 17 Гаагских Рекомендаций в Отношении Прав на Образование для Национальных Меньшинств, составленных в 1996 году по заказу Верховного Комиссара ОБСЕ по национальным меньшинствам Макса Ван дер Стула.

Данный пункт определяет, что «Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, должны иметь доступ к образованию третьей ступени (высшему образованию – С.С.) на их языке, когда они покажут необходимость в этом и *их численность обосновывает это*.

5. «Также государство не обязано обеспечивать всем бесплатные языковые курсы».

Посмотрим, так ли это. Преамбула Конституции говорит нам о том, что «...государство (...) призвано обеспечить сохранность эстонской национальности, языка и культуры на века», из чего прямо следует, что сохранение эстонского языка является прямой обязанностью государства. А не «иммигрантов». Поэтому любое изучение эстонского языка «инородцами» должно восприниматься государством как верх лояльности, и всячески им стимулироваться, так как «инородцы» непосредственно помогают государству исполнять его обязанность. Изучение же эстонского языка «инородцами» за свой счет должно быть расценено как отказ государства от выполнения своих обязанностей и безответственное отношение к своим конституционным поручениям.

6. «Образование не является само по себе целью, но оно является подготовкой к самостоятельной жизни. Оно должно обеспечивать то, чтобы люди не уезжали из Эстонии, а смогли бы устраиваться в своей жизни здесь, и чтобы здесь создавались высокооплачиваемые места, и люди были бы удовлетворены своей жизнью».

Среди всех возможных законных целей образования такой цели нет.

Согласно ч. 3 ст. 2 Закона об образовании «целью образования является:

- 1] создание подходящих условий для развития личности, семьи, эстонской национальности и национальных меньшинств (закон 1992 года, поэтому «национальные меньшинства»), а также экономической, политической и культурной общества Эстонии, а также охраны природы в контексте мировой экономики и культуры;
- 2] формирование законопослушных людей;
- 3] создание для каждого предпосылок к постоянному обучению».

Как видно, задача «чтобы люди не уезжали из Эстонии» перед образованием не ставится. Понятно, что это личная реакция г-на Раннута на последние тренды в демографии. Не ставилась эта задача и в начале 90-х, когда Эстонию покинули свыше 120 000 неэстонцев. Почему Раннут ставит ее сейчас? Потому, что стали уезжать эстонцы. Но образование эту проблему не решит. Если решать ее через конституционную задачу «сохранения эстонской национальности», то государству следует прежде всего запретить выезд за рубеж этническим эстонцам – мы, русские, эту задачу за них никак не решим. Странно, что Правительство Республики, обычно столь решительное по части репрессивных мер, воздерживается от этого очевидного шага.

7. «Таким образом, нынешняя цель языкового переупорядочения образования Эстонии является недостаточной для интеграции. Недавно, год назад (!) введенная в русских основных школах учебная программа производит людей, которые не принадлежат к общественному мейн-стриму, а зачастую и не хотят этого, поскольку живут в сегрегационной культуре. Вместе с учебной программой они приобретают мировоззрение, которое позднее трудно изменить на Эстонско-ориентированное».

То есть г-н Раннут прямо признает, что задача образования – формирование проэстонского мировоззрения. Задача, противоречащая как Конституции, так и международному праву. Мировоззрение человека – результат осуществления им автономии воли, результат сделанных в жизни выборов. Этим я хочу подчеркнуть, что незаконны попытки любого изменения мировоззрения, а не только изменения его на проэстонское.

Об этом прямо говорит ст. 41 Конституции – «Каждый вправе сохранять верность своим мнениям и убеждениям. Никого нельзя принуждать изменить их».

Засим позвольте пожелать НКО «Русская Школа Эстонии» удач и побед на ее нелегком пути.

С уважением,
Сергей Середенко

Sissejuhatus

Mittetulundusühingu „Vene Kool Eestis” (Russkaja Škola Estonii) nõukogu pöördus vene ombudsmani (õigusvahemees) Sergei Seredenko poole palvega kommenteerida hr Rannut'i väljaütlemisi juhatuse liikme Alissa Blintsova artikli aadressil, võimalike eksiarvamuste leviku ja juurdumise ärahoidmiseks meie ühiskonnas.

Kuivõrd eksiarvamused ei teki iseenesest – neil on kandjad ning levitajad –tulime me otsusele Integratsiooni Uuringute Instituudi teaduri, professori hr Rannut'i näite varal suunata tähelepanu „haigusele” ühiskonnas, mis on vastuolus oma Seadustega.

Me jääme lootma avaliku vestluse jätkumisele vastavalt sisule ja ka meie ühiskonna vabastamisele silmakirjalikkuse koormast. Me palume kõiki ametlikke instituute meie riigis vaadata esitatud faktidele, mis on vastuolus Põhiseadusega aga ka teistele seadustele, mida levitatakse eelarvamuslikult vene kogukonna aadressil Eestis.

Me täname Sergei Nikolajevitši tehtud töö eest. Järgnevalt esitame vene ombudsmani vastuse meie pöördumise kohta.

Lugupidamisega
Oleg Nazmutdinov
MTÜ Vene Kool Eestis esimees
tel.: +372 58 106 905
@: russovet24@gmail.com
www: <http://www.venekool.eu>

12.07.2011

Vene ombudsmani poolt tehtud analüüs

Sergei Seredenko
Vene ombudsman

MTÜ Vene Kool Eestis

Lugupeetud MTÜ Vene Kool Eestis juhatuse liikmed!

19. juunil pöördusite Te minu poole palvega „teha hr. Rannut’i avalduse kohta analüüs, et tuua välja tema võimalikke eksiarvamusi ja nende avastamisel tugevdada positsioone, et vältida nende levikut ning võimendumist meie ühiskonnas”. Teiste sõnadega, palute välja selgitada ja teha kahjutuks see „paha haigus”.

Kuna „Vene ombudsman” läks „teisele ringile” just vene koolide nõukogu konverentsil, siis on arusaadav, et koostöö Teiega on mulle esmatähtis. Seega kontrollin ma meeeldi hr Rannut’i natsionaalset harmooniat Eesti seaduste labürindiga, eelkõige põhiseadusega. Kuna aga Te ei esita oma kirjas konkreetseid avaldusi Integratsiooni Uuringute Instituudi teaduri Mart Rannut’i artikli „Eestikeelse gümnaasiumi vastaste murest” (Õpetajate leht 10.06.2011), siis käsitlen ma neid teemasid, millele Te juhtisite minu tähelepanu. Kuna aga hr Rannut esines ajalehe artikli žanris, siis on mõningased tema mõtted liialt pikalt tekstis „jorutatud” ja ma olin sunnitud neid kokku koondama.

Analüüs on raskendatud ka sellega, et oma esinemises, sisuliselt õigusteemal, hr Rannut ei viita ühelegi seadusele.

1. „Rääkides keelelistest õigustest, tuleb rõhutada kaht: õigust riigikeel omandada ning oma rühmale (era)koole asutada”.

Põhikirjaline keeleõigus ei oma midagi ühist sellega, millest räägib hr Rannut.

„Õigusest omandada riigikeelt” ei tea ma midagi. Sama nagu, ka selle õiguse ulatusest. Ma ei ole ka sellist seadust leidnud eesti seadusandluses.

Samamoodi ei tea ma midagi ka „õigusest oma rühmale (era)koole asutada”. Erakoolide seaduse § 1 räägib seda, et seda kohaldatakse „eraõiguslikele juriidilistele isikutele” aga mitte „rühmadele”.

Kui hr Rannut räägib aga nendest õppeasutustest, mis on loodud Vähemusrahvuse Kultuuriautonomia Seaduse alusel, siis sellest seadusest on keeruline aru saada, kellele kuulub see õigus. § 4 punkt 1. Räägib sellest, et „Vähemusrahvusse kuuluval isikul on: õigus moodustada ja toetada rahvuslikke (...) haridusasutusi ...” s.t. see õigus on füüsilisel isikul. Samal ajal § 5 punkt 1 räägib sellest, et „Vähemusrahvuste kultuuriomavalitsuse põhieesmärgiks on: emakeelse õppe korraldamine ...” s.t. see on kultuuriomavalitsuse ülesanne, mis vastavalt seadusele ei ole üldse juriidiline isik. Täieliku segadust selles küsimuses toob Põhiseaduse § 37, mille kohaselt „Õppekeele vähemusrahvuse õppeasutuses valib õppeasutus”. Vastavalt õiguskantsleri Ü.-E. Truuvälja kommentaaridele, ammu minu poolt esitatud järelepärimisele Põhiseaduse nimetatud paragrahvi kohta, käib jutt just õppeasutusest, mis on asutatud kultuuriomavalitsuse „raames”.

Imelik on vähemalt see, et: miks õppeasutus, mis on näiteks loodud vene kultuuriomavalitsuse poolt võib *ise* valida, millises keeles ta hakkab lapsi õpetama, kui ta on vene kultuuriomavalitsus ja tema seaduslik ülesanne on õpetada *emakeeles*? Kuidas see ka ei ole, kuid kusagil eesti seadustes ei ole „vähemusrahvuste õppeasutuste” teemat lahti arutatud s.t. põhiseaduslik subjekt, mis omab konkreetset põhiseaduslikku õigust, sündis faktiliselt surnuna.

Ka hr Rannut’i täpsustus – „era” – kutsub esile hämmingut. Tema „loogika” on arusaadav: tahate õppida emakeeles – makske selle eest ise. Ainult, et sellel loogikal ei ole seaduslikku alust. Nagu juba eelpool viidatud, Erakooliseadus laieneb eranditult eraõiguslikele juriidilistele isikutele, aga kultuuriomavalitsus ei ole üldse juriidiline isik. Seejuures oma mõtte kohaselt, aga ka kooskõlas eelnevalt loodud seadustega on see avalik-õiguslik, mitte aga eraõiguslik juriidiline isik. Seepärast ei ole kultuuriomavalitsusel erakooli asutada lihtsalt õigust. Ja ta ei pea seda ka olema.

Isegi Põhiseaduse paragrahvis 37 on öeldud: „... et teha haridus kättesaadavaks, peavad riik ja kohalikud omavalitsused ülal vajalikul arvil õppeasutusi. Seaduse alusel võib avada ja pidada ka muid õppeasutusi, sealhulgas erakoole”.

Nagu on näha eeltoodud fragmendist, ei ole seadusandja ka siin tulnud toime oma põhiseadusliku ülesandega. Riiklikud ja munitsipaalkoolid ning gümnaasiumid on reguleeritud Põhikooli- ja gümnaasiumiseadusega, erakoolid – Erakooliseadusega, aga kus on siis seadus *teistest* õppeasutustest, kelleks sageli on erakoolid? Sellist seadust ei eksisteeri, kuigi EV Põhiseadus kirjutab ette selle eksistentsi – „vastavalt seadusele”.

Paar aastat tagasi minu poolt tehtud laiaulatuslik analüüs Vähemusrahvuse kultuuriautonomias seadusest võimaldas teha järeldust sellest, et Eesti õigusalasest reaalsuses mõiste „muud” all peab just silmas pidama „väikerahvuste õppeasutusi”, mida luuakse just „rühmade” tarvis, millest kirjutab hr Rannut. Just nimelt need on „muud” – mitte riiklikud, mitte munitsipaalsed ja mitte era õppeasutused. Mille alusel hr Rannut’i märkus „(era)” ei oma mingit seaduslikku põhjendust.

Erandiks võib siin olla artikkel 13 Raamkonventsiooni kohta vähemusrahvuste kaitsest, mis kõlab „Pooled tunnustavad oma haridussüsteemi raames, et vähemusrahvusesse kuuluvatel isikutel on õigus asutada ja juhtida oma erakoole või –täiendõppeasutusi”. Kuid, nagu juba täheldatud, „oma süsteemi hariduse raamid”, mis on märgitud Põhiseaduses, jäävad endiselt osaliselt seaduste tasemel sissekirjutamata. Vastupidi, kaugeltki mitte kõik konstitutsioonid ei sisalda vähemusrahvuste autonoomia sätteid.

Nähtavasti ei ole mõtet lisada öeldule, et kõik katsed luua vene kultuuriautonomiat „raamides”, teatud fantaasiate pinges, oleks võinud ju luua „koole oma rühmale” – tõkestati Kultuuriministeeriumi poolt. Nii, et hr Rannut’i varjatu etteheide selle kohta, et „viimast õigust pole vene kogukond piisavalt kasutanud” – ei ole suunatud õigele aadressile.

Selle osa analüüsi lõpuks peab märkima, et kõikidest keeleõigustest tõi hr Rannut „esile” ... kaks olematut. Huvitav, et seda lõiget oma artiklist nimetas hr Rannut „Valeks ettekujutuseks oma õigustest”.

2. „Vähemusõigustest eraldi pole vene kogukonna puhul mõtet rääkida (keeleõigusest – S.S.), sest tegemist on valdavalt immigrantrühmaga, kellele need õigused ei laiene. Nimelt ei ole keeleõigused transporditavad ega liigu koos kõnelejaga üle põlisasuala piiride”.

Jätkates teema „Vale ettekujutus oma õigustest” lahkamist hr Rannut puterdab juhuslikult eesti oskusteabele (know-how), mille abil saboteeris Eesti faktiliselt kõikide vähemusrahvuste õigusi sh ka keeleõigusi. Kõneks on põhiseaduslikust terminist „vähemusrahvus”, mida traditsiooniliselt valesti tõlgitakse kui „rahvusvähemus” (national minority). „Vähemusrahvuse” määratlus, mis on toodud „Vähemusrahvuse kultuuriautonoomia seadusest” on sihilikult seotud EV kodakondsusega ja „elupõlise elukohaga”. Peale EV kodakondsuse varastamist kõikidelt EV elanikelt, kellel ei olnud kaheldavat õnne olla sündinud 1940.a. Eesti Vabariigis, muutus vene „vähemusrahvus” faktiliselt õiguskimääriks. Vene „vähemusrahvuseks” on eestlased valmis tunnistama ainult peipsiäärseid venelasi, aga vene „rahvusvähemuseks” – mitte kedagi. Analüüsi selle sündsusetuse kohta esitasin ma oma memorandumis Riigikogule, millega saab tutvuda siin:

http://riigikogu.ee/?page=en_etapid&op=ems&eid=1147471&u=20101129181709

Kuid isegi hr Rannut kavaldab siin, minnes vastuollu Põhiseadusega, andes keelelised õigused (seal hulgas) ja „mitte õigusi vähemusele”. Täpsemalt kõneks võib olla Põhiseaduse §52 lg 2, mis sätestab „Paikkondades, kus *elanike enamiku* keel ei ole eesti keel, võivad kohalikud omavalitsused seaduses sätestatud ulatuses ja korras kasutada sisemise asjaajamisekeelena selle paikkonna *püsielanike enamiku* keelt. Nagu näha on siin ei ole juttu „vähemusrahvusest” nagu on sätestatud Põhiseaduse §51 lg 2-s.

Arusaamatu on, millises kontekstis kasutab hr Rannut terminit „immigrandid”, „kellele need õigused ei laiene”. Kui jutt läheb mitte EV kodanikele st välisriikide kodanikele ja kodakondsuseta isikutele, siis vastavalt EV Põhiseaduse § 9-le „Põhiseaduses loetletud kõigi ja igatüüpe õigused, vabadused ja kohustused on võrdselt nii Eesti kodanikel kui ka Eestis viibivatel välisriikide kodanikel ja kodakondsuseta isikutel”. Unikaalne põhiseaduslik konstruktsioon – ilma nn „seaduse klauslita” st fraasid „kui seadusega ei ole määratud teisiti”. Põhjalikumalt on seda teemat lahatud minu raamatus „Vene õigus Eesti Põhiseaduses”, mille peatükk „Kodanik ja rahvas” on avaldatud siin:

http://slavia.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=5688%3A-q-q&catid=174%3A2011-01-18-14-02-38&Itemid=223

Nii, et hr Rannut'i avaldus sellest, et keeleõigused „immigrantidele” ei laiene – on väär. Vähemusrahvuste kaitse raamkonventsioon opereerib kahe määratluse vahel: „piirkondades, kus vähemusrahvusesse kuuluvad isikud on *traditsiooniliselt* asunud” („põlisalad” - artikkel 11 lg 3) ja „piirkondades, kus vähemusrahvusesse kuuluvad isikud on traditsiooniliselt asunud *või* kus nende *arv on suur*” (artikkel 14 lg 2).

3. „Üks selle pinnalt kujunenud eksiarvamusi on nn õigus venekeelsele haridusele Eestis, mille kohaselt peaks Eesti riik tagama venekeelse hariduse säilimise. Tegelikult ei pea Eesti seda pakkuma isegi mitte põhihariduses”.

„Rääkides keelelistest õigustest, tuleb rõhutada kaht: õigust riigikeel omandada ning oma rühmale (era)koole asutada. Seda viimast õigust pole vene kogukond piisavalt kasutanud, sest Eesti riik on niigi hoolitsenud vastava õiguse realiseerimise eest”.

Leida nende kahes avalduses loogikat mul ei õnnestunud. Teisest fraasist järeldub, et „Eesti riik on niigi hoolitsenud vastavate õiguste realiseerimisel” „oma rühmale koolidele” st venekeelsetele koolidele. Millest järeldub, et venelastel on Eestis õigus venekeelsetele koolidele, aga riigil on kohustus neid tagada. Seos on arusaadav: venelastel – on õigus, riigil – on kohustus. Kõik on täpne: õigus on vastavuses kohustusega. Kuidas aga siis mõista hr Rannut'i esimest fraasi sellest, et riik on kohustatud ainult „just nagu peaks” aga „tegelikult” „...ei pea Eesti seda pakkuma isegi mitte põhihariduses”?

Samas märgime ka hr Rannut'i tekstis sõna „Eesti” ebakorrektselt kasutamist. Eesti on maa nimi, kus me kõik elame. Aga „Eesti riik” – on avalik juriidiline isik, kellel on õigused ja kohustused oma elanikkonna ees. Ja oma haridusprobleeme otsustab vene kogukond just nimelt riigiga, kui juriidilise isikuga, mitte aga Eesti maaga. Öeldes, et „Eesti ei pea ...”, hr Rannut selgelt eraldab meid Eestist.

Kui aga siiski üritada mõista sisuliselt seda probleemi, milles hr Rannut ilmselt läks ummikusse, siis tuleb otse vastata küsimusele – kas on venelastel õigust venekeelsele haridusele? Tasuta venekeelsele haridusele põhikoolis ja gümnaasiumis?

Minu vastus sellele küsimusele – jah on. Oma positsiooni põhjendamiseks toon kolm argumenti.

1) Kooskõlas põhiseaduse § 37-ga „... igäühel on õigus saada eestikeelset õpetust”. Sõnal „õigus” – on mitmekülgne tähendus, kuid meile on tähtis, et see sisaldaks endas nii õigust nõuda, kui ka õigust valida. Kooskõlas selle põhiseaduslikule määratlusele on riik kohustatud tagama igale *soovijale* võimaluse õppida eesti keeles. Seega *peab* riik arvestama sellega, et hoopiski mitte kõik vene lapsed ei *soovi* õppida eesti keeles. Sellega seoses *peab* riik tagama neile valiku võimaluse st *peab* üleval pidama tasuta venekeelseid koole. „Vajalikul arvul” – nagu on täheldatud Põhiseaduses.

Oleks situatsioon teistsugune ja eesti koolide õppekeeleks olnud eesti keel kohustuslik, siis oleks ka Põhiseadus seda määratlenud – „üldhariduskoolides toimub õppetöö eesti keeles”. Oletame, et selliselt nagu määratleb §52 „Riigiasutuste ja kohalike omavalitsuste asjaajamiskeel on eesti keel”. Kuid Põhiseadus ei kehtesta koolides kohustuslikku õppekeelt, vaid kehtestab igäühele õiguse õppida eesti keeles. Veel enam, riigil ei ole õigust sekkuda sellesse õppekeele valikusse, kuna Põhiseaduse §37 ei sisalda seaduse klauslit õppekeele osas. Seega Riigikogu, sekkudes õppekeele määramises üldhariduskoolides, rikkus Põhiseadust, kuna viimane ei anna talle selleks õigust.

Märgin samuti, et Põhiseaduse eiramine „koolide üleviimine eesti keelele” on sisse viidud Eesti Rahvusvähemuste Kongresside mõlemasse resolutsiooni.

2) Peab mäletama, millises õiguslikus olukorras võeti vastu Põhiseadus. Selle vastuvõtmise ajal kehtis Eesti NSV Kodanike Rahvuslike Õiguste Seadus, mis võeti vastu 15. detsembril 1989 aastal.

Vastavalt selle seaduse § 4-le „Kõikide rahvuste kodanikel on õigus:

saada riiklikes õppeasutustes või kultuuriühingutes üldharidust eesti, vene või muus keeles; Saada kesk-eri või kõrgemat haridust aga ka täiendavat haridust eesti, vene või muus keeles, mida riik tagab vastavalt Eesti NSV vajadustele”.

Seda seadust ei tunnistanud Põhiseadusega vastuolevaks ja muudeti ära 1993 aastal Väikerahvuste Kultuuriautonomias Seadusega. Eesti NSV Kodanike Rahvuslike Õiguste Seadusest on näha, et kõikidel tasemetel haridus vene keeles oli garanteeritud. Seda enam, isegi peale ultranatsionalistide kuritegelikku võimule tulekut, ei muutunud eesti keel Põhiseaduse kohustuslikuks õppekeeleks aga põhimõtte „kõikidest rahvustest kodanikel on õigus” vahetus põhimõttega „igäühel on õigus” st õppekeel jäi isikliku valiku küsimuseks, mitte aga riigi valikuks.

3) Märgin siin ära ühe põhiseadusliku aspekti, millele harva pööratakse tähelepanu. Tegemist on eesmärgiga pidada üleval riigi ja omavalitsuse poolt õppeasutusi. See eesmärk, mis toodud samas § 37 – „... teha haridus kättesaadavaks ...”. Rõhutan, et „hariduse kättesaadavus” on haridussüsteemi *ainsamaks* põhiseaduslikuks eesmärgiks. Seepärast igasugused muudatused haridussüsteemis, sealhulgas ka keelelised, peavad eelkõige läbima kontrolli selles osas, kas nad suurendavad haridusele juurdepääsu või vähendavad seda. Täiesti ilmne, et õppimine võõras (eesti) keeles vähendab järsult juurdepääsu haridusele, mille tõttu „üleminekut eesti keelele” tuleb lugeda samamoodi põhiseadusega vastuolevaks.

4. „See, kas vastava emakeele kõneleja ka Eesti riigile makse maksab või mitte, keelelisi õigusi ei mõjuta (kuigi seda argumendina esile tuuakse)”.

Nagu on teada, keerulisem on tõestada ilmselget. Kuigi, see millise kergusega hr Rannut loobub rahateemast (mis ei ole eestlastele üldse omane), teeb ettevaatlikuks. Näidata otsest seost maksude maksmise ja nende jaotamisest osavõtmisega, tõenäoliselt mul ei õnnestu, kuna mitte ükski *normaalne* seadus ei reguleeri seda – on vägagi ebatõenäoline. Kuigi rahvusvähemuste arvulist panust võib näidata Haagi Soovitused Rahvusvähemuste Õiguse Kohta Haridusele (koostatud 1996.a. OSCE ülemkomissari Max van der Stuhli tellimusel) punkti 17 näite varal.

Nimetatud punkt määratleb, et „Rahvusvähemuste hulka kuuluvail isikuil peaks olema ligipääs emakeelsele kõrgharidusele, kui nad on avaldanud selleks soovi ning kui *nende arvuline hulk seda õigustab*.”

5. „Samuti ei pea riik võimaldama kõikidele tasuta eesti keele kursusi”.

Vaatame, kas see on ikka nii. Põhiseaduse preambula räägib meile sellest, et „... peab tagama eesti rahvuse ja kultuuri säilimise läbi aegade”, sellest jäeldub, et eesti keele säilitamine on riigi otsene kohustus. Mitte aga „immigrantide” kohustus. Seepärast iga „muulase” eesti keele õppimist peab riik võtma kui ülimalt lojaalsust ja igati seda stimuleerima, kuna „muulased” aitavad vahetult täita riigil tema ülesannet. „Muulaste” poolt enese kulul eesti keele õppimist tuleb hinnata kui riigi oma kohustuste täitmisest keeldumist ja vastutustundetut suhtumist oma põhikirjalistesse ülesannetesse.

6. „Haridus ei ole omaette eesmärk, vaid see on ettevalmistus iseseisvaks eluks. See peab tagama, et inimesed ei rända Eestist välja, vaid saavad siin hakkama, siin luuakse kõrgepalgalisi töökohti ning inimesed on oma eluga rahul”.

Kõikide hariduse võimalike ametlike eesmärkide seas sellist eesmärki ei ole.

Vastavalt Haridusseaduse § 2 lg 3 „... hariduse eesmärk on:

- 1] luua soodsad tingimused isiksuse, perekonna, eesti rahvuse, samuti rahvusvähemuste (seadus on väljaantud 1992.a. seepärast „rahvusvähemus”) ja Eesti ühiskonna majandus-, poliitilise ning kultuurielu ja loodushoiu arenguks maailma majanduse ja kultuuri kontekstis;
- 2] kujundada seadusi austavaid ja järgivaid inimesi;
- 3] luua igapäevasele eeldused pidevõppeks”.

Nagu on näha, ülesannet, „et inimesed ei läheks ära välismaale”, haridusele ei seata. Arusaadav, et see on hr Rannut’i isiklik reaktsioon viimastele trendidele demograafias. Seda ülesannet ei püstitatud ka 90-te aastate algul, kui Eestist lahkus rohkem kui 120 000 mitteestlast. Miks püstitab Rannut seda küsimust praegu? Seepärast, et lahkuma hakkavad eestlased. Kui lahenda

seada küsimust läbi põhikirjalise ülesande „eesti rahva säilimise”, siis peaks riik eelkõige keelama etnilistel eestlastel lahkumise välismaale – meie, venelased, seda ülesannet nende eest kuidagi ei lahenda. Imelik, et Vabariigi Valitsus, tavaliselt nii otsustav repressiivsete meetmete kasutamisel, on sellest ilmselgest otsusest taandunud.

7. „Seega ei ole praegune Eesti hariduse keelekorralduse eesmärk lõimumise tagamiseks piisav. Äsjane, aasta (!) tagasi kehtestatud vene põhikooli õppekava toodab inimesi, kes ühiskonna põhivoolu ei kuulu ning tihti seda ei soovi, sest elavad segregatiivses kultuuris. Koos õppekavaga omandavad nad meelsuse, mida hiljem on keeruline Eesti-keskseks muuta”.

Tähendab, et hr Rannut tunnistas otseselt, et hariduse ülesanne - on pro-eestlasliku maailmavaate formeerimine. Ülesanne on Põhikirja kui ka rahvusvahelise õiguse vastane. Inimese maailmavaade on – tema vaba isikutahte teostuse tulemus, elus teostatud valikute tulemus. Sellega ma soovin rõhutada, et katsed igasuguseks maailmavaate muutmiseks ja mitte ainult pro-eestlaslikuks muutmiseks – on ebaseaduslikud.

Seda kinnitab ka Põhiseaduse § 41 – „Igaühel on õigus jääda truuks oma arvamustele ja veendumustele. Kedagi ei tohi sundida neid muutma.”

Seega lubage soovida mittetulundusühingule „Vene Kool Eestis” edu ja võite sellel mitte kergel teel.

Lugupidamisega
Sergei Seredenko